

О ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ, НОВОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ И ПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ 2000–2010-х ГОДОВ

И.Г. Шаблинский

*Научно-исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье анализируется феномен «официального российского консерватизма» — идеологического фундамента российской власти, оформившегося к 2010-м гг. и представляющего собой способ оправдания чиновничьего, бюрократического, политического и проего произвола. Одной из ключевых характерных черт этого идеологического гибрида является неприятие либерализма и либеральных взглядов. Как показывает автор статьи, анализируемый идеологический феномен имеет мало общего с консервативной политической идеологией, зародившейся в Западной Европе в конце XVIII века. Европейский консерватизм стал одним из оснований демократических порядков в целом ряде стран. Современный российский консерватизм призван оправдать режим личной власти, служить инструментом его идеологического оформления.

Ключевые слова: политическая идеология, консерватизм, политический режим, демократия, политические партии.

Режим 2000–2010-х и идеология: Смена вех как повторение пройденного

Второй президентский срок В. Путина ознаменовался появлением из недр президентской Администрации новых идеологом, по существу означавших разрыв с целями конституционной реформы начала 1990-х годов. Тогда политтехнологи и другие специалисты из ближайшего окружения главы государства пришли к выводу о том, что изменения политического режима, уже свершившиеся и только ещё планируемые, нуждаются в специальном пропагандистском обосновании.

Термин «контрреформа» хорошо известен российским историкам. Так чаще всего именовался политический курс, осуществлявшийся в течение примерно двух десятилетий после либеральных (Великих) реформ Александра II. В данном случае характеризуется ряд мер, направленных на цели, противоположные целям конституционной реформы начала 1990-х годов. Причём речь идёт о фактическом изменении положения, созданного этой реформой. Формально смена целей (ценностей, курса) никак и нигде обозначена не была. Напротив, президент В. Путин в 2000–2004 гг. нередко подчёркивал свою приверженность

демократии и настаивал на незыблемости Конституции. Но всё же в России начала XXI в. произошёл отказ от прежнего вектора развития: от политической конкуренции — в пользу монополии на власть одной группы, от разделения властей — в пользу сосредоточения всей власти в одном органе (точнее, в одних руках), от независимости судов — в пользу их подчинения исполнительной власти, от свободы информации — в пользу жёсткого контроля государства за крупнейшими СМИ. В самые первые годы нового столетия (и нового президентства) эти смыслы ещё не были вполне ясны. Но вскоре они стали очевидными.

С 2001 по 2008 г. президенту удалось, действуя с помощью законодательства, изменить ряд важных институтов. Был введён новый порядок формирования Совета Федерации, фактически поставивший его под контроль президентской Администрации, установлен новый порядок назначения аудиторов Счётной палаты, позволявший наполнять её людьми, полностью лояльными главе государства, отменены прямые выборы губернаторов, изменены правовые основы избирательной и партийной систем, что обеспечило доминирование определённого политического бренда и т. п. Кроме того, правящей группе удалось, не прибегая к законодательству, установить контроль над крупнейшими телекомпаниями.

Таким образом, курс на отмену реальной политической конкуренции и установление монополии на власть вполне обозначился и уже требовал постановки очередных задач. Как сегодня можно определить эти задачи — или даже шире — сверхзадачу президентства Владимира Путина? Увы, приходится сделать вывод, удручающий своей банальностью: речь шла о наращивании в одних руках максимального объёма власти как о самоцели. Все основные политические институты «перестраивались» под эту цель; все прочие задачи (в том числе и связанные с получением экономических выгод членами правящей группы) оказывались производными от нее. И эта цель потребовала идеологического обеспечения.

Поначалу для характеристики нового состояния политического режима вполне годился термин «суверенная демократия». Под эту разновидность «демократии» «подбирались» соответствующие институты и средства, которые отвечали интересам правящей группы. Последние приравнивались к национальным интересам. Давая новое название режиму, его создатели как бы подчёркивали: демократия 2000-х — их самостоятельный выбор, а не копирование иностранных (чужих) образцов. При этом подразумевалось (или даже прямо говорилось), что демократия эпохи первого российского президента строилась на уступках западным рекомендациям. Вообще, «суверенная демократия» противопоставлялась порядкам эпохи Ельцина. Поначалу это противопоставление было лишено конкретики, являлось, скорее, частью пропагандистской установки. Но постепенно в нем обнаруживалось всё больше оснований. При Ельцине все выборы в Государственную Думу заканчивались победой оппозиционных (тогда) сил: ЛДПР и КПРФ. Государство в ту пору не контролировало все крупные телеканалы. И т. д. Со временем различие двух политических режимов становилось всё яснее, всё определённое.

С теоретической точки зрения, эта конструкция — «суверенная демократия» — выглядела ущербно: соединяла понятия из разных сфер, разных смысловых рядов. Однако она вполне годилась для того, чтобы играть пропагандистскую роль. Отрицание эпохи Ельцина было политически выгодно новому режиму. А то, что точный смысл слов (самоназвания) был не всегда ясен и его приверженцам, оказалось даже полезно: их чрезвычайно широко интерпретировали.

Вот как, к примеру, в 2005 г. толковал «философию Путина» (в некоторой степени выдавая желаемое за действительное) бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков: «Свою политическую философию Владимир Путин сформулировал на шестом году президентства. Произошло ли это случайно, под влиянием ли накопленного опыта и соответствующих раздумий, или так было задумано ещё при приходе к власти, не столь важно. Важно, что эта философия оглашена в 2005 году. Важно, что теперь она имеется... Генеральная метафизическая основа политической философии Путина следующая: Россия была, есть

и будет крупнейшей европейской нацией. Демократическая традиция есть не нечто привнесённое в Россию откуда-либо, а естественным путём и в определённый исторический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании ещё двум ценностям — свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости...» [Третьяков 2005]¹.

Эти рассуждения довольно забавно выглядели уже лет через пять. Правда, Третьяков внёс тогда в свою интерпретацию некоторые поправки: «Механическое следование внешне демократическим процедурам, с одной стороны, позволит не народу, а лишь бюрократии укрепить свои позиции в государстве и обществе, а с другой стороны — опять хаотизирует недостаточно сбалансированную общественную жизнь и спровоцирует бюрократию как хранительницу государства на государственный переворот, ликвидирующий достигнутый уровень свободы» [Там же]. По существу, здесь указано на опасность следования «внешне демократическим процедурам» (т. е. на опасность для России демократии): они, якобы, «хаотизируют недостаточно сбалансированную общественную жизнь». Такого рода толкования фактически оправдывали меры президентской Администрации: к тому времени в законодательство о выборах были внесены изменения, выгодные партии власти, отменили губернаторские выборы, устанавливался контроль за политическим контентом крупнейших телеканалов. В результате этих действий была свёрнута политическая конкуренция, а первое лицо оказалось вне контроля и критики. Устранили то, что, по мнению приверженцев нового режима, «хаотизировало» политическое поле — реальную конкуренцию.

Ещё через несколько лет для иллюзии сохранения в России «демократической традиции» почти не осталось места. Аргументация защитников политического режима свелась к тому, что он создаёт благоприятные условия для развития экономики, обеспечивая общественную стабильность. Благоприятный климат «нулевых» годов по-прежнему противопоставлялся хаосу «девяностых». Провозглашалось, что борьбой с злоупотреблениями власти, коррупцией, произволом эффективнее любых оппозиций занимается президент. Получалось, что именно авторитарное государство (адепты предпочитали именовать его «консолидированным») пригодно для экономической модернизации. «Есть... концепция... которая считает консолидированное государство инструментом переходного периода, инструментом модернизации. Некоторые называют это авторитарной модернизацией... Президент больше любой оппозиции делает для борьбы с коррупцией, отсталостью, для развития политической системы... Систему надо адаптировать к меняющемуся, усложняющемуся обществу. Но это не значит, что мы должны от системы отказываться. Её надо сохранять. И не впускать то, что может её разрушить... Девяностые годы показали: само по себе расщепление общества не рождает позитивную энергию. Да, некоторую энергию высвобождает, но на что она расходуется и куда это приводит?» [Сурков... 2010]. Вероятно, под опасным «расщеплением общества» подразумевался трагический опыт 1993 г. Он действительно показал, что российские политики плохо умеют договариваться друг с другом, не способны на компромисс. Но из этого, на наш взгляд, следовало только то, что необходимо развивать культуру политического диалога. Опыт 1990-х вовсе не требовал установления новой монополии на власть.

Отмечая явные признаки возвращения в 2000-е годы к советской практике (монополия на власть, соответствующая пропагандистская линия, контроль над СМИ и т. д.), следует всё же учитывать качественную новизну ситуации. В том числе в том, что касается идеологического оформления режима. Советский опыт был, так или иначе, связан с политическим наследием сталинизма, с традицией неуклонного подавления и искоренения инакомыслия. Традиция эта в полной мере сформировалась к середине XX в. Но специалисты по рекламе и политтехнологии, ставшие идеологами российского политического режима в начале XXI в., явно не хотели быть обвинёнными в приверженности сталинизму. Более того, они и не были ста-

¹ Тогда Третьяков был главным редактором журнала «Политический класс».

линистами — скорее карьеристами, не слишком отягощёнными принципами. Они хорошо понимали (точнее, угадывали) суть политической задачи, поставленной первым лицом: нейтрализовать оппонентов, не прибегая к репрессиям и не давая повода для упреков в искоренении инакомыслия. Тут, кстати, можно вспомнить и об участии первых лиц государства (воспользуемся здесь множественным числом) в мероприятиях, посвящённых увековечению памяти жертв репрессий 1930–1950-х годов — например, на Бутовском полигоне в Подмосковье и в Катыни под Смоленском.

Да, создатели нового режима вроде бы не были сторонниками методов 1930–1950-х годов. Они просто защищали порядок, при котором им было комфортно. Но их постоянные усилия по наращиванию власти главы государства вызывали энтузиазм у многих приверженцев этих методов. Усиление власти постепенно подводило режим к тому пределу, за которым он уже менял свою сущность, полностью утрачивая демократический характер. По мере того как авторитарные черты режима проступали всё более явственно, его защитники оказывались перед необходимостью как-то обосновать сам принцип авторитарности.

Приведём аргументы одного из наиболее высокопоставленных сторонников «нового авторитаризма», председателя Конституционного Суда Валерия Зорькина. Он настаивал: режим спасает страну от опасных радикальных движений, в частности от левых радикалов и отечественного нацизма. «...Я с изумлением обнаружил, что даже у профессиональных юристов слово „авторитаризм“ вызывает жуткую неприязнь, — писал Зорькин в 2010 г. — Конечно, если в чистом виде авторитаризм, автократия в традиционном понимании, так недалеко и до Пота. Но „авторитарное“ (autoritaire) — есть ли это элемент государства и права? На мой взгляд, безусловно, потому что элементы социального общежития — это власть, свобода, закон и общая цель. Юридической общей целью является установление принципа юридического равенства, а наполняется оно через общие блага. Если бы Шарль де Голль не поступал авторитарно в пределах, конечно, Конституции и права, то на смену ему пришла бы диктатура фашистских полковников, переворот бы был. Я понимаю, что историю переделать нельзя, сослагательное наклонение, говорят, к истории неприменимо, но не могу отделаться от мысли о том, что, если бы Гинденбург в своих генеральских погонах не просто на приёмах красовался, то есть если бы содержание соответствовало форме, если бы он и его окружение воспользовались авторитарными методами, как сделал это де Голль, Гитлер не пришёл бы к власти. Конечно, что бы говорили поклонники чисто либеральной идеи свободы в её рафинированности и абстракции?» [Зорькин 2010].

Напомним, что это мнение председателя Конституционного Суда. Нужно ли было понимать его так, что режим, установленный вторым российским президентом, спасал страну от новых гитлеров? Это звучало не слишком убедительно. Да, в начале XXI в. националистические и революционаристские группировки действовали в России (как, впрочем, и во всех европейских странах). Но их влияние было невелико, а успешное экономическое развитие не позволяло им расширять социальную базу. Напротив, экономическая стагнация, самоизоляция, активная пропаганда тезиса о том, что Россия остаётся в кольце врагов, создают для радикалов благоприятный социально-психологический климат.

Когда адепты политического режима, ставшего фактически режимом личной власти, ссылаются на опасность разного рода радикализмов, возникает вопрос: что тут перевешивает — угроза захвата власти радикалами или заинтересованность узкой группы лиц в неограниченной власти и связанных с ней скромных благах? Этим борцам с революционерами хочется напомнить суждение Бориса Чичерина (из статьи «Россия накануне двадцатого столетия»): «Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что она вдаётся в крайние направления. Одна крайность всегда вызывает другую. Чем более мысль стеснена, тем более в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению...» [Чичерин 2000].

Идея авторитарности (авторитарной модернизации) стала всерьёз обсуждаться, оправдываться и обосновываться в период второго президентства В. Путина и во время президент-

ства Д. Медведева. В 2012–2014 гг. режим преодолел некий предел и стал вполне реакционным. Это потребовало дополнительного идеологического обоснования, обновления идейной базы. Правящую группу и её лидера уже перестала удовлетворять конструкция «суверенной демократии». Более того, режим стала стеснять Конституция 1993 г.

Показательно, что особое раздражение вызывала ст. 13 Конституции, запрещавшая установление какой-либо идеологии в качестве государственной или общеобязательной. Сторонники новой идеологизации неожиданно обнаружили, что отсутствие идеологии — одна из причин геополитических поражений России в 1990-е годы. Для некоторых представителей гуманитарной интеллигенции, ассоциировавших себя с официальной «консервативной» позицией, разговоры о выработке новой идеологии, «поиске идентичности» стали чем-то вроде интеллектуальной моды.

Об этом вели речь депутаты от партии власти. Придворные издания типа «ВВП» настаивали: «Предложенные ранее модели уже не могут удовлетворить россиян, а вопрос идентичности, национальной идеи остаётся открытым» [От поиска идентичности... 2013: 5]. «Литературная газета», ставшая выразителем «консервативных» (т. е. в сущности верноподданнических) настроений, писала: «Когда говорят о деидеологизации, речь идёт о том, чтобы расчистить поле для своей, для выгодной себе идеологии. Собственно, именно так и происходило в России в процессе и после перестройки. Нашим геополитическим противникам (как и любому противнику) выгодно ослабление нашего народа... Освобождённое от собственной идеологии поле немедленно занимает противник. Сегодня нам необходимо овладеть своей собственной территорией» [Воеводина 2014]. Звучит как газетная передовица 70-х годов прошлого века. И опять — о враждебном внешнем окружении, которому наше государство должно противостоять. Парадоксальным образом это и стало главным тезисом новой идеологической платформы, заложенной под политический режим в России.

Конечно, параллели с советской идеологией напрашиваются. Но всё же разница есть — и существенная. В 1970-е годы противником для нас был «мир капитализма» или «мировая капиталистическая система» (конечно, во главе с определёнными государствами). Идейнными и геополитическими противниками российской власти в XXI в. объявлен «Запад» — «западный мир», олицетворяемый, правда, теми же странами, что и сорок лет назад. Если в условиях господства марксистской идеологии всё определял штамп об «идеологической борьбе» «двух социально-экономических систем» — социализма и капитализма, то теперь борьба неожиданно возобновилась в отсутствие внятной альтернативы капитализму.

Напомним пропагандистское клише советских лет: «мировая капиталистическая система» и империалистические государства (прежде всего США, Великобритания, Франция и т. д.) угрожают «миру социализма» и «социалистическим государствам», поскольку тамошняя крупная буржуазия опасается влияния социализма и социальной революции. Сейчас речь идёт об угрозе не социализму, а «геополитическим интересам» России. Понимание существа «угрозы» (как и содержание слова «Запад») варьируется в весьма широком диапазоне. Оказалось, к примеру, что именно «Запад» «попытался в 2011–2012 годах разрушить внезапно для него возникшую консервативную парадигму общества, лидером которого стал Владимир Путин» [Мухин 2014].

Мне-то кажется, что общественную атмосферу тех лет определяло появление массового *внутреннего* протеста против сложившейся в России ситуации. Да и о «консервативной парадигме» говорить, по-моему, не было оснований. В любом случае все процессы были внутри-российскими, инициировались российским политическим миром. Привязывать их к каким-то внешним силам — не только дурной пропагандистский приём, но и форма самообмана. К тому же следует помнить: в российской истории вслед за пропагандой обычно шла репрессия. Симптоматично, что защитники status quo, т. е. фактического состояния власти, стали ассоциировать своих идейных оппонентов с внешними противниками государства — совер-

шенно в духе 30–70-х годов прошлого века. Этот подловатый пропагандистский приём в какой-то момент буквально стал приёмом полемическим.

Приведём в связи с этим обширную цитату, взятую не из боевого партийного листка, а из главной правительственной газеты и принадлежащую опять же председателю Конституционного Суда: «Меня не интересует не только полемика с юродствующими юристами, находящимися в очевидном услужении у известного международного вора. Меня не интересует и сам этот вор. Потому что беседовать с ворами и их прислужниками — не следует... Показная забота о наполнении нашей государственности идеей справедливости сочетается с холодным циничным умолчанием по поводу того, что эта идея была растоптана врагами современной России. Что эту идею — как и идею человечности вообще — всё более грубо попирает современный Запад. Который только с очень большой натяжкой можно назвать Западом „табула раса“. То есть Западом Аристотеля, Альберта Великого, Локка и пр. На самом деле нынешний Запад недостоин даже этих наименований. Он опустился теперь до грубейшего воровства, до исполнения государством роли рэкетира, действующего по наущению тех или иных международных воров.

Обвиняя Российское государство в клановости, международные воры и их интеллектуальная обслуга замалчивают все, что связано с иной клановостью. Они не хотят обсуждать, какие именно клановые интересы породили бомбардировки Югославии и действия в Косово. Специалисты с отвращением констатируют, что там обеспечивались даже не только геополитические, но и гораздо более приземлённые интересы. Но об этом обслуга международных воров никогда говорить не будет. Не будет она говорить и о том, чем на самом деле были порождены бомбардировки Ирака. И у каких именно американских кланов какой конкретный счёт был к лидеру Ирака Саддаму Хусейну. Никогда никто из таких морализирующих циников, находящихся на услужении у международных грабителей, не скажет о том, какие именно западные политические кланы сталкиваются при дележе непрозрачных рынков оружия на Ближнем Востоке и в Африке. И к каким катастрофам это приводит... И во имя преодоления этой клановости и насаждения идеи справедливости они затеют сразу на многих интеллектуальных площадках России разговор о новой Конституции, которая по мановению ока, то есть по всё тому же принципу табула раса, лишит нас клановости, восстановит у нас идею справедливости. Да и вообще вернёт нам идеальное. При этом возвращать это идеальное необходимо только нам. А почему бы не попытаться вернуть его Западу? И навязывать парламентскую республику надо только нам. А почему бы не навязать ее, например, США?» [Зорькин 2014].

Эта цитата, на мой взгляд, ярко демонстрирует то мировоззрение, которым оказался пронизан верхний слой государственного аппарата — во всяком случае, к третьему президентскому сроку В. Путина. Заметим: конкретным поводом для этих размышлений послужило высказанное (где-то в прессе) мнение о том, что предусмотренная действующей Конституцией форма правления нуждается в корректировке: может быть, в преобразовании в парламентскую республику. Зорькин, естественно, защищает настоящую форму правления. Это, безусловно, его право. При этом, однако, ссылается на внешнеполитические угрозы, например: «...Нынешний Запад... опустился теперь до грубейшего воровства, до исполнения государством роли рэкетира, действующего по наущению тех или иных международных воров». Что это за тон, что за стилистика? Действительно понимаешь, что ренессанс «советского», косного, изоляционистского сознания всё же происходит. Поэтому и появляются «хорошо забытые старые», незамысловатые идеологические конструкции.

Попытаемся всё же понять эту логику. Какие же конституционные проблемы обсуждаются в статье, посвящённой вроде бы Конституции? Автор в основном перечисляет упоминания обвинения в адрес российского политического режима. Прежде всего, упрёк в «клановости», т. е. в том, что государство вынуждено обслуживать интересы конкретной (правлящей) группы, одного клана. Затем автор обвиняет некие враждебные силы в том, что они прояв-

ляют «показную заботу о наполнении нашей государственности идеей справедливости...», «навязывая» России такую форму правления, как парламентская республика. Идея парламентской республики появилась в публичном поле в ходе дискуссии о несовершенствах действующей Конституции — в частности, о перекосе в пользу полномочий президента. На эти «наветы» и отвечал председатель российского Конституционного Суда. Но вместо того чтобы отрицать клановый характер политического режима или недостатки Конституции 1993 г., он говорит о давних международных кризисах и о клановых интересах, лежавших в основе политики ЕС и США в Косово в 1999 г. и в Ираке в 2003 г. То есть как бы заявляет: они нас критикуют, а сами ничуть не лучше.

Да, в 1999 г. авиация НАТО нанесла ракетные удары по Сербии, вынуждая сербского президента Милошевича вывести войска из принадлежащего сербам автономного края Косово, большинство жителей которого составляли албанцы. Позже многие страны ЕС признали независимость края. Да, в 2003 г. войска США вторглись в Ирак под предлогом того, что иракский диктатор вёл работы над созданием оружия массового уничтожения. В обоих случаях действия НАТО и США действительно не выглядели адекватными. Отказ европейских стран от признания хотя бы формального контроля Сербии над Косово противоречил сложившейся международной практике отношения к региональным сепаратистским движениям. Американское вторжение в Ирак привело к многотысячным жертвам среди мирного населения, но не к обнаружению секретных ядерных реакторов. В общем это, мягко говоря, не лучшие страницы в истории ЕС, НАТО, в международной практике США.

Однако возникает вопрос: как эти эпизоды 25-летней и 10-летней давности связаны с состоянием конституционного строя в России? Причём здесь, вообще, албанцы и иракцы, если речь идёт о выстраивании (или разрушении) у нас правового строя? Если государства, представляющие собой устойчивые демократии, в тех или иных ситуациях совершают ошибки или ведут себя не так, как хотелось бы лидерам России, это ещё не свидетельствует о недостатках демократии как таковой.

При этом важно помнить: в 2000–2011 гг. разговоры о «Западе» как о «рэкетирах», о «международных ворах», о «врагах современной России», пытающихся навязать ей те или иные формы государственности, вовсе не были главными для защитников режима (в том числе для председателя Конституционного Суда). Они не видели в «Западе» врага или по крайней мере не акцентировали на этом внимание. Всё изменилось именно тогда, когда режим столкнулся с внутренними проблемами и протестами. Тогда им нашли объяснение: они инспирированы извне.

Заметим, автор статьи в «Российской газете» даже не отвечал по существу на упрёки, адресованные российскому политическому режиму. Он сосредоточился на угрозах со стороны враждебного окружения, от геополитических противников государства. По сути дела, это и была новая идеологическая установка, которая объясняла и оправдывала явно реакционный характер политического режима: ослабление или ликвидация демократических институтов должны были выглядеть неизбежным следствием внешнеполитических угроз. (Здесь вспоминается эпизод из «12 стульев» Ильфа и Петрова — о пуске первого в городе трамвая: на митинге каждый оратор собирался говорить о трамвае, но как-то незаметно переходил на международное положение и разоблачение империалистов.)

В связи со статьёй В. Зорькина не лишним будет напомнить о некоторых решениях российского Конституционного Суда, вынесенных уже после того, как вполне определился реакционный вектор законодательства. Суд признал конституционными все соответствовавшие нормы: ужесточающие ответственность за нарушение порядка проведения митингов, а также сам этот новый порядок; устанавливающие фактический контроль власти за отбором кандидатов на должность губернаторов; вводящие понятие «некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента» и проч.

В России, да и в других странах всегда были и есть люди, безусловно оправдывающие действия власти лишь из безотчётного пиетета перед ней. Но в данном случае важно, что формирование режима личной власти готова была принять (и приветствовать) часть интеллигенции. А этот слой понимает, какими будут последствия: ослабление правовой основы государства и расширение пространства произвола. Тогда как они объясняли себе эту медленную контрреформу, какие оправдания для неё находили? Идеологически контрреформа обосновывалась, повторю, наличием враждебного внешнего окружения. Но большинство по старой российской привычке попросту опасалось критиковать и возражать. Многих устраивало, что группа, находящаяся у власти, не покушается на рыночные основы экономики и по крайней мере на словах печётся об инвестиционном климате. Конечно, беспокоил произвол силовых структур, ставший в «нулевые» годы притчей во языцех. Но тем, кого это ещё не коснулось, угроза не казалась столь уж серьёзной. Все замечали опасную тенденцию в развитии политического режима, однако долго сохранялось пространство для внутреннего компромисса. С ситуацией можно было мириться, пока не были затронуты наиболее важные условия жизни городского жителя, заработанные в 1990-е: супермаркет в шаговой доступности, сотня телеканалов в пакете телеоператора, возможность отъезда к зарубежным морям, наконец, наличие двух-трех привычных газет и радиостанций, продолжавших (хотя и с осторожностью) более или менее независимо рассуждать не только о спорте и культуре, но и о политике.

В стране действительно продолжали выходить печатные издания, которые не придерживались официальной позиции по ряду ключевых вопросов (вроде «дела ЮКОСа», отмены выборов губернаторов, «Болотного дела», кризиса на Украине 2013–2014 гг. и т. п.) и публиковали альтернативные точки зрения. Таких изданий и изначально-то было немного (МК, «Новая газета», «Коммерсант», «Ведомости» и ряд региональных изданий), и число их неуклонно уменьшалось. Но их присутствие в медиапространстве позволяло читательской аудитории думать, что свобода массовой информации ещё жива, что всё не так плохо.

Вероятно, курс правящей группы на постепенное сужение коридора свободы в медиапространстве допускал сохранение небольшого числа относительно независимых изданий. Они не представляли особой опасности в силу небольших тиражей и в то же время служили доказательством терпения и терпимости власти. Но легко можно было догадаться, что нужда в таких доказательствах в конце концов отпадёт.

О российских политике, политиках и идеологии консерватизма

Теперь рассмотрим более детально, что представлял собой новый российский консерватизм в контексте обновлённого и обуженного спектра политических сил, который только и был возможен в условиях режима личной власти.

Собственно, разные политические воззрения в обществе могут существовать и без активной партийно-политической жизни, без партий и проч. Какие-то политические взгляды можно было обнаружить и в советское время, но проявлялись они достаточно искусственно. Приверженность политическим партиям, символам и лидерам, не имея возможности реализоваться, замещалась, к примеру, приверженностью различным литературным журналам. Для скрытых политических предпочтений находились способы и формы выражения, но это были вынужденные и вымученные формы.

В условиях формирования и укрепления режима личной власти политическая жизнь может не подавляться полностью. Но она выстраивается вокруг одной персоны — первого лица. Условием существования такого режима (помимо прочего) является контроль правящей группы над крупнейшими СМИ. Этим обеспечивается доминирование в медиапространстве одного образа, одного лица. Его потенциальные конкуренты или оппоненты игнорируются, а если уж их упоминание неизбежно, представляются в негативном свете либо высмеиваются.

Партийно-политическая жизнь в Российской Федерации, вполне свободная в начале 1990-х годов, всегда зависела от информационной политики крупнейших государственных телеканалов. С 1993 г. эту монополию пытался разрушить (и безуспешно) телеканал НТВ. Но в 2000 г. он фактически стал одним из государственных телеканалов, вещание которых контролировалось президентской Администрацией. Эти телеканалы с начала 2000-х годов сконцентрировались на создании образа президента Владимира Путина. Глава государства стал появляться на каждом канале, в каждом новостном выпуске. Критика в его адрес была исключена из телеэфира — возможен либо позитивный (позитивно-восхищенный), либо нейтральный тон.

Поначалу партийная деятельность особенно не ограничивалась, но политические партии и их лидеры почти исчезли с телеэкрана: отводившегося им эфирного времени хватало разве что на реплики. Заметим: вытеснение партийных тем и «партийцев» из информационного пространства особого сожаления у широкого зрителя не вызывало. Межпартийная полемика (не задевающая первое лицо) просачивалась в эфир в периоды выборных кампаний, но это не отменяло полного информационного доминирования группы (партии), обслуживающей первое лицо. При формировании правительства, при назначении региональных администраций роль политических партий была ничтожной, что соответствовало духу режима (но и форме правления, установленной Конституцией).

В 2004–2012 гг. процесс создания и деятельности политических партий был затруднён рядом законодательных барьеров. Законодательство о выборах обеспечило лучшую управляемость избирательного процесса, «работая» на «Единую Россию». К примеру, были исключены нормы, допускавшие деятельность избирательных блоков. Новые партии несколько лет не создавались, их общее число уменьшилось до семи, а более или менее реально участвовали в политике только три: КПРФ, ЛДПР и «Яблоко». Созданные президентской Администрацией «Единая Россия» и «Справедливая Россия», для которых всегда находилось место в информационном пространстве, полностью зависели от единого центра принятия решений в Кремле.

Но в апреле 2012 г. в ответ на массовые акции протеста некоторые ограничения на создание и деятельность партий были отменены или ослаблены. К тому времени более или менее прочное положение в российской партийной системе занимали два образования, формально не связанные с партией власти: КПРФ и ЛДПР. Эти старожилы политической сцены ни на что не влияли, но очень ценили свой статус легальных партий, представленных (пусть и символически) почти во всех законодательных органах. Ведь важнейшее условие неформальной сделки с властью — объектом их критики не могло быть первое лицо — они выполняли. Такие декоративные по своей сути партийные системы существовали в большинстве авторитарных режимов второй половины XX в. Это стало результатом сворачивания политической жизни, её концентрации вокруг одной персоны, а также принижения значения политических партий как института.

Внешне расклад политических сил в современной России напоминает структуру государственных дум начала XX в.: крайние националисты, консервативная партия власти, либеральный и левый сегменты. Можно предположить, что здесь действуют какие-то архетипические механизмы. Российский партийно-политический спектр сходен также с партийными системами европейских государств. Однако в данном случае внешнее сходство обманчиво — куда важнее сущностные особенности.

По существу, наши «консервативные партии» представляют собой форму «присвоения» пространства политики государственным аппаратом, который охватывает ещё и исполнительную и судебную власти. К «консервативным» структурам можно отнести «Единую Россию» и Общероссийский народный фронт (последний, правда, весьма условно: статус этого объединения, пытающегося совместить поддержку первого лица и власти в целом с критикой отдельных чиновников, остаётся не вполне ясным). О приверженности этих образований

«консервативной» идеологии неоднократно говорил Владимир Путин; потом это определение появилось в некоторых партийных документах.

Повторим, российская партийная система носит в значительной степени искусственный характер. Это означает, что так называемые парламентские оппозиционные партии, по точному выражению Ю. Пивоварова, имеют «по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они „в системе“ по разрешению начальства... Совокупная легитимность „допущенных“ — конечно, в различных пропорциях — включает в себя и легитимность „от народа“. Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, легитимность властная» [Пивоваров 2014: 41]. Эти «парламентские оппозиционные партии» (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») прошли через идеологический фильтр и были признаны совместимыми с режимом. Фильтр же (или фильтры) устанавливали люди, называющие себя консерваторами.

Здесь уместно будет вспомнить о том, как появился консерватизм в современной России. В первые годы после распада СССР консервативному мировоззрению, охранительному по своей сущности, не так-то просто было обрести политическую форму, найти объект защиты. Консерваторами чаще всего называли твёрдых сторонников прежнего режима, верных ленинцев/сталинцев, ностальгирующих по советской жизни. Для консерватизма традиционно, консерватизма в европейском смысле слова, защищающего веру в Бога и частную собственность, в постсоветском мире не было места. Но спустя два десятилетия ситуация изменилась.

В условиях экономического роста укреплялся и расширялся бюрократический слой, стабилизировалось положение социальных групп, так или иначе зависящих от бюджета. В то же время внутри бюрократии оформилась жёсткая иерархия: на вершине — бессменный лидер (первое лицо) со своим ближайшим окружением (правлящей группой), руководители силовых структур и спецслужб. Важное место «наверху» заняли и иерархи Русской православной церкви (РПЦ), формально отделённой от государства. Сложился альянс правящей группы и руководства РПЦ, государства и церкви. «Верхи» подобрали себе политических союзников и бизнес-партнёров из числа особо приближённых (избранных) предпринимателей. В первые два президентства В. Путина их круг вполне определился. На появление корпорации «власть–церковь–избранный бизнес» указывали либеральные газеты, сохранившие некоторую независимость. В деятельности этой корпорации они усматривали корыстный групповой интерес, критиковали её и закономерно становились для неё врагами.

Этот альянс и стал объектом защиты для нового русского консерватизма. Наконец, стало ясно, что защитить и от кого. Однако в идейном плане консерваторы не смогли предложить ничего оригинального, что отличало бы их от идеологической платформы либералов и социалистов. Ведь установку на сохранение status quo и всестороннюю поддержку лидера трудно считать самодостаточной идеей. А положения об уважении религии и РПЦ (как доминирующей конфессии) можно было найти в программах практически всех российских политических движений.

Показательно, что в Манифесте просвещённого консерватизма мы обнаруживаем некий пафос, но не так уж много собственно консервативного содержания: «Эйфория либеральной демократии закончилась! Пришла пора — делать дело! Первое, что нам необходимо, — это установление и поддержание законности и правопорядка в стране. Второе — обеспечение культурной и национальной безопасности. Третье — рост „благосостояния для всех“. Четвёртое — восстановление чувства гордости и ответственности за свою страну. Пятое — гарантирование социальной справедливости и социальной защиты граждан, а также отстаивание прав и свобод наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье» [Михалков 2010].

Новое русское охранительство принципиальным образом отличается от того мировоззрения, которое возникло на рубеже XVIII–XIX вв. в Великобритании, Франции, США и стало именоваться «консерватизмом».

Одна из основ консерватизма — признание того, что права личности неразрывно связаны с её обязанностями. Консервативные политики поддерживают ценность порядка, т. е. строгого соблюдения законов, настаивая при этом на важности полиции и армии. Консерваторы никогда не жалели денег на силовые структуры. Но *порядок* в государстве всегда был для них лишь *условием* реализации свобод! Европейские и американские консерваторы не меньшие (а то и бóльшие) ревнители личных свобод (свободы слова, совести, права частной собственности), чем либералы. Поэтому консерваторы крайне негативно относятся к возможной при демократии «тирании большинства», обычно прикрывающей чью-то единоличную власть. И в Германии, и в США, и в Австралии консерваторы не меньше, чем либералы, опасаются чрезмерного сосредоточения власти в одних руках и проистекающего от этого произвола. Консерватизм, берущий начало от Эдмунда Берка и Алексиса де Токвиля, крайне настроенно и болезненно относится к любым ограничениям свободы слова.

Те же, кто сегодня как будто бы воплощает российский консерватизм, готовы всячески защищать единоличную власть. Их взгляды, их поведение лучше всего характеризуются старинным русским словом «верноподданничество». Такой «консерватизм» нацелен на защиту монополии на власть — и конкретного первого лица, и приближенной к нему группы лиц (равно как и обслуживающих их — по клиентельному принципу — групп). В законодательных собраниях разного уровня «Единая Россия» к 2014 г. контролировала от 60 до 98% мест. Однако фактически это контроль не партии, а бюрократического аппарата — деидеологизированного, но готового декларировать и исполнять любую программу, провозглашенную первым лицом и стоящей за ним правящей группой.

Эти «консерваторы» готовы терпеть свободу слова (как и прочие свободы) лишь в той мере, в какой они не создают угрозы (или даже дискомфорта) для неограниченной власти первого лица. Не случайно в упомянутом консервативном Манифесте совершенно не затрагивается тема прав и свобод. Антиэмансипационный, охранительно-запретительный характер нынешнего российского консерватизма демонстрирует практика: ограничение вещания негосударственных телеканалов, жёсткий контроль над государственными СМИ, попытки давления на блогосферу и т. д.

Что касается принципа защиты частной собственности, то к нему российская правящая группа, реализующая «консервативную» стратегию, всегда относилась избирательно. Предприниматели, выказавшие политическую неблагонадежность (начиная с миллиардеров вроде Ходорковского, Гучериева и др. и заканчивая владельцами деревенских магазинов), не могли рассчитывать на защиту своих прав судами. И хотя индивидуальные бизнес-истории складывались по-разному, в целом бизнесмены в последнее десятилетие ощущали свою уязвимость перед силовыми структурами. При слабости и зависимости судебной системы представители силовых ведомств могли действовать произвольно — с учётом собственных экономических интересов.

Консерваторы склонны обращаться к этническим и религиозным корням нации. Наверно, в связи с этим Дмитрий Рогозин как-то заявил: «Альянс Кремля с европейскими правыми шатает брюссельский табурет» [Rogozin 2014]. Что он имел в виду? Все современные консерваторы и умеренно правые, уважая национальные традиции, религии, крайне негативно относятся к агрессивному национализму и тем более к любым видам агрессии под националистическими лозунгами. Поэтому действия российской власти в украинском кризисе вызвали критику со стороны всех авторитетных европейских консервативных партий. Сочувствующих удалось найти (и то не без труда) лишь в лагере ультранационалистов. Но в Европе и Америке давно уже принято отделять консерваторов от правых радикалов. Именно о пользе альянса с радикалами и говорил Рогозин.

Как видно, консервативная политическая идеология, зародившаяся в Западной Европе в конце XVIII в. и прошедшая длинный общий путь с идеей либеральной демократии, и то «направление», которое в годы правления Владимира Путина стали именовать «консерватиз-

мом», — два принципиально разных явления. Европейский консерватизм стал одним из оснований демократических порядков в целом ряде стран. Современный российский «консерватизм» призван оправдать режим личной власти, служить инструментом его идеологического оформления.

Характерная черта официального российского консерватизма — неприятие либерализма, либеральных взглядов. Несмотря на то, что все опросы общественного мнения показывают крайне низкую популярность в России либеральных партий, лидеров и идей, в официальной пропаганде критика либерализма постоянно занимает важное место. Для этого есть серьёзные причины. Демократические (либеральные) партии все последние годы критиковали правящую группу за фактическую измену Конституции: за установление режима личной власти, за подчинение судов на всех уровнях администрациям, за фактический демонтаж демократических институтов и т. д. Либеральные партии и их лидеры позволяли себе прицельную критику в адрес первого лица. Либералы претендовали (и могли рассчитывать) на поддержку того сегмента электората (образованных горожан), который правящая группа хотела бы считать своим. И массовые протесты 2011–2012 гг. показали, что популярность идей демократии, свободы слова и других свобод в этом слое достаточно высока. В силу этих (как и некоторых иных причин) либеральная оппозиция стала для власти главным врагом.

Партии и группы, апеллирующие в своих программах к «социализму» и «социалистическому пути», вызывают у правящей группы куда меньше опасений, чем либералы. Это понятно. Все последние 20 лет эти партии с большим или меньшим пылом обращались к опыту советского режима, черпали там подходящие образы и образцы. В отличие от партий социалистов-мечтателей рубежа XIX–XX вв., Коммунистическая партия и некоторые другие коммунистические группировки в России рубежа XX–XXI столетий *по преимуществу партии ностальгирующие*. Когда на социалистическом фланге стали появляться новые акторы (вроде Левого фронта), уже не связывающие себя с образами прошлого, они встретили весьма неприязненное отношение власти. Для действующего режима куда более удобной и безопасной оказалась идеология КПРФ: странноватая смесь из неосталинизма, радикально-социалистических лозунгов и консерватизма почвеннической складки, требующего борьбы с Западом, американским империализмом и чуждыми образцами массовой культуры. Эти фундаменталисты вполне могут быть союзниками власти в её борьбе с идеями демократии.

Для русской политической традиции всё это не является такой уж новостью. Вот что около 110 лет назад писал Б.Н. Чичерин: «Все журналы со сколько-нибудь либеральным направлением висели на волоске, а холопствующей ватаге поклонников реакции давался полный простор. Они могли на своем раболепном жаргоне прославлять правительство на все лады, восхвалять все его самые вопиющие меры, видеть в нем спасителя отечества. Более или менее значительной свободой пользовались и социалисты. Либерализм казался правительству опасным, но социализм, пока он являлся в теоретической форме, представлялся безвредным... Среднее, умеренно либеральное направление оставалось в накладе. В журналистике оно не имело органа, а книги, кроме самых задорных, у нас давно перестали читать» [Чичерин 1998].

Мы, конечно, сознаём, что любые исторические аналогии условны. За минувшее столетие российское общество радикально изменило свою структуру и вообще изменилось. И всё же нам хотелось бы подчеркнуть преемственность и политических проблем, и политических ролей в процессе создания в России конституционного государства. Его не удалось выстроить 100 лет назад — процесс был насильственно прерван. Но задачи, поставленные и не решённые одной эпохой, переходят по наследству к другой, пусть и через три поколения. Воспроизведение спустя 100 лет структуры общественно-политических сил и «старого» конфликта может служить дополнительным напоминанием о том, что задача всё ещё не решена. Русское образованное общество созрело для её решения уже столетие назад. Неужели оно не готово решать её сегодня?

Тот политический «консерватизм», который стал идеологической платформой российской власти, призван прежде всего оправдать чиновничий, бюрократический, политический и прочий произвол. Именно в этом его сущность. В отличие от него, политическая демократия, не являясь, разумеется, чудодейственным средством от всех социальных болезней, создает условия для его искоренения, уменьшает пространство произвола.

Воеводина Т. 2014. Свободное поле идеологии. — *Литературная газета*. — 7–13 мая. — № 18 (6461). — Доступно: <http://lgz.ru/article/-18-6461-07-05-2014/svobodnoe-pole-ideologii/>. — Проверено: 12.01.2016.

Зорькин В. 2014. Tabula rasa: Ответ тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа. — *Российская газета*. — 7 апреля.

Зорькин В. 2010. Философия права: Прошлое, настоящее и будущее. — *Сравнительное конституционное обозрение*. — № 2 (75).

Михалков Н. 2010. *Манифест просвещённого консерватизма*. — Доступно: <http://www.proektrussia.ru/manifest-prosveschennogo-konservatizma.-n.-michalkov.html>. — Проверено: 12.01.2016.

Мухин А. 2014. «Зимняя сказка» на фоне прохладной войны. — *Независимая газета*. — 25 февраля.

От поиска идентичности... 2013. От поиска идентичности — к национальной идее. — *Валовый внутренний продукт (ВВП)*. — № 5 (83).

Пивоваров Ю.С. 2014. О «советском» и путях его преодоления. — *Полис. Политические исследования*. — № 2.

Сурков... 2010. Владислав Сурков построит в Подмосковье прообраз города будущего. — *Ведомости*. — 15 февраля. — № 2544. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/15/225543>. — Проверено: 12.01.2016.

Третьяков В. 2005. О политической философии Владимира Путина. — *Российская газета*. — 28 апреля.

Чичерин Б.Н. 1998. Россия накануне двадцатого столетия. — Чичерин Б.Н. *Философия права*. — СПб.: Наука.

Чичерин Б.Н. 2000. Россия накануне двадцатого столетия. — *О свободе: Антология мировой либеральной мысли (первая половина XX века)*. — М.: Прогресс-Традиция.

Rogozin D. 2014. Twitter, 28 mart. 2014. — Доступно: <http://twitter/com/Rogozin>. — Проверено: 12.01.2016.